

Македония в географических границах. Пунктиром обозначена линия раздела сфер влияния между Сербией и Грецией по союзному договору и военной конвенции 1868 г.

Австро-Венгрия не учла пожелания македонских купцов потому, что ее цели вполне были достигнуты благодаря Берлинскому трактату и разжигать огонь на балканских землях не входило в ее планы. К тому же возникли опасения, что при решении македонского вопроса могут выиграть только Россия и Болгария. Австро-венгерскую экспансию на македонские земли также существенно сдерживало сопротивление венгров росту численности славянского населения в монархии. Поэтому правительство Австро-Венгрии своим политическим поведением не желало вызвать в среде своего населения действия, отвечающие инициативам российских панславистов. Подобная солидарность славянского населения рассматривалась в Вене и Будапеште как самая большая угроза, способная развалить монархию изнутри.

В России после Берлинского конгресса 1878 г. стало заметно уменьшаться влияние канцлера А.М. Горчакова, и уже летом 1878 г. руководство внешней политики перешло к Н.К. Гирсу, шведу по происхождению. Прежнее внешнеполитическое руководство во главе с А.М. Горчаковым считало, что ориентация на Берлин себя изжила. Александр II полагал, что против России выступила на конгрессе вся Европа. Н.К. Гирс был убежден в том, что нужно выполнять требования Берлинского трактата и укрепить отношения с Германией. Действительно, опасаясь повторения ситуации дипломатической изоляции, приведшей Россию к Крымской войне, Александр II и А.М. Горчаков в 70-е гг. ориентировались на тесные союзнические отношения с Германией и Австро-Венгрией. Осенью 1876 г. Александр II попросил через германского воен-

ного уполномоченного генерала Вердера канцлера Германии Отто фон Бисмарка дать ясный ответ на вопрос: «Будет ли Германия нейтральной, если Россия вступит в войну с Австрией?» На телеграфный запрос не был получен незамедлительный ответ. Довольно продолжительная «процедурная пауза» позволила О. Бисмарку уклониться от прямого ответа, для того чтобы составить безупречную инструкцию стратегического видения ситуации. Ее текст он передал через российского посла Г.Л. Швейница Александру II. Смысл инструкции заключался в том, «что нашей первой потребностью является сохранение дружбы между великими монархиями, которые больше потеряли бы от революций, чем выиграли бы от войны между собою»¹⁰.

В то же время за три недели до этого в беседе с немецким послом в Париже князем Х. Гогенлоэ Бисмарк пояснил, к чему клонится его политика по отношению к России: «Если Россия вступит в конфликт с Англией, то это не причинит нам ущерба. Они могли бы нанести друг другу мало вреда, а мы могли бы спокойно наблюдать за их борьбой. Гораздо хуже, если бы сцепились между собой Россия и Австрия. Если бы мы держались нейтрально, то побежденные нам этого никогда бы не простили. Если Австрия будет совсем уничтожена, то это не принесет нам выгоды, так как хотя мы могли бы аннексировать немцев, но не знали бы, что делать со славянами и венграми. Вступить в войну против Австрии на стороне России не позволит общественное мнение в Германии. Россия слишком опасна для нас, если погибнет Австрия. Вместе с Австрией мы можем держать Россию под постоянной угрозой»¹¹.

Этим и была предопределена изоляция русской делегации на конгрессе в Берлине, а его итоги означали победу англо-австрийского блока. Германия демонстративно подчеркивала свою незаинтересованность в «восточном вопросе», тем самым сохраняя и укрепляя свою руководящую роль в Европе. Размышляя над проблематикой Восточного вопроса и решениями Берлинского конгресса, Н.А. Нарочницкая установила четкую геополитическую зависимость в политике европейских держав по отношению к России: «Пока Франция, Австрия и Германия решали свои междуусо-

бицы, России ничего не грозило, ей даже удалось восстановить свои политические позиции – отменить “нейтралитет Черного моря”. Но все европейские распри были забыты для того, чтобы на Берлинском конгрессе “снова восстановить” препятствия к решению турецкой части Восточного вопроса, разрушенные русскими штыками в 1877–1878 гг.»¹². Возвращение некоторых территорий со славянским населением, в том числе македонских земель, под турецкое управление было осуществлено с одной целью, чтобы всегда был повод у европейских держав для вмешательства во внутренние дела Османской империи в своих интересах.

О. Бисмарк испытывал чувство гордости за исполнение миссии по руководству Берлинским конгрессом, на котором он проявил себя как «честный маклер». Г. Киссинджер писал, что «Бисмарк играл сданными ему картами максимально умело». Против России он выступил по единственному вопросу: когда «Дизраэли пригрозил покинуть конгресс, если у Турции будут отняты горные перевалы в направлении Болгарии», «Бисмарк обратился непосредственно к царю через голову ведущего переговоры от имени России Шувалова». Этим он избежал отчуждения от России, но «целым и невредимым он из этой ситуации не вышел», и многие из царского окружения, дипломатические работники и служащие «испытывали ощущение, будто у них хитростью отняли победу»¹³. Доброжелательное отношение О.Бисмарка к России принимало форму слегка прикрытого издевательства, когда он писал, что «князь Горчаков ожидал от меня, словно дама от своего обожателя, что я отгадаю русские пожелания и буду их представлять, а России не понадобится самой их высказать и этим брать на себя ответственность»¹⁴. Те представители русского общества, которые заинтересованно следили за работой конгресса, воздали сполна «железному канцлеру» как главному злодею «европейского концерта». В своих мемуарах он ссылаясь на то, что «резкий и язвительный тон *всей* (выделено нами. – А.Г., Н.Ш.) русской печати, допущенное цензурой натравливание против нас русских народных настроений заставляло считать благоразумным не терять симпатий

тех иностранных держав, кроме России, на которые мы еще могли рассчитывать»¹⁵.

Русское общество не только бурно реагировало на решения Берлинского конгресса, но и метало «громы и молнии» в адрес ведомства А. М. Горчакова, даже выдвигались обвинения в предательстве национальных интересов русского и братских славянских народов. Необычайная активность русской прессы и нападки, особенно со стороны помещичье-буржуазных кругов, на царскую дипломатию объясняются не только растерянностью правительства, подогревающего порой своими заявлениями общественные настроения, но и тем обстоятельством, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. впервые произошло становление института военных корреспондентов в армии. Еще до открытия военных действий русскому военному командованию были направлены ходатайства нескольких иностранных газет о допуске на театр войны. Ходатайства поддержали наши дипломаты в Турции Н. П. Игнатъев и А. И. Нелидов, а также Вергуер – впоследствии германский посол в России. Военный министр Д. А. Милютин отнесся к этому положительно. Полковник М. А. Газенкампф стал заведовать делами печати при армии. Корреспондентам русских газет и журналов разрешалось находиться в войсках по просьбе ответственных редакторов и издателей, а иностранных – по рекомендациям наших посольств и высокопоставленных лиц. Общее число работавших в действующей армии корреспондентов как русских, так и зарубежных изданий достигало в 1877 г. 98 человек. Наибольшее число военных корреспондентов в русской армии имела газета «Новое время». Из действующей армии в нее писали В. П. Буренин, А. Д. Иванов, Н. Н. Карамзин, В. И. Немирович-Данченко, Н. В. Россоловский и М. П. Федоров. А. Д. Иванов был одним из первых военных фотокорреспондентов. Самым популярным русским военным корреспондентом во время войны стал В. И. Немирович-Данченко. Он наблюдал решающие сражения на Шипке, под Плевной, участвовал в зимнем переходе русских войск через Балканы и оставался до конца войны в армии, как и его коллеги Г. К. Градовский, А. Д. Иванов, В. В. Крестовский и Л. В. Шаховский¹⁶. Нужно ли удивляться осведомленности

читающей публики, с повышенным вниманием отслеживающей все этапы войны и послевоенного развития на Балканах. Следует отметить, что македонские события, Кресненское восстание и личности, вызывающие интерес, освещались в прессе в контексте болгарских дел, поскольку эти земли рассматривались как составная часть Болгарии.

Еще в предвоенные годы было произнесено немало слов и речей в защиту славянских народов. Деятельность славянофилов находила отклик в самых разных слоях общества. Широкое распространение получили благотворительные акции, концертные и театральные постановки, а также другие формы сбора средств в пользу славян, ведущих борьбу. Польские историки М. Танты и А. Гиза в своей работе привели ряд впечатляющих фактов, связанных с деятельностью славянофилов в предвоенные, военные и послевоенные годы, отметив, что царское правительство поддерживало «славянское движение», пока это отвечало политике России на Балканах¹⁷. Туда в общем беспрепятственно отправлялись добровольцы. «Славянское движение» вносило свои коррективы в деятельность революционеров-народников. Интеллигенция стала более внимательно прислушиваться к агитации славянских комитетов.

Славянские комитеты, созданные во второй половине 1860-х гг., были своеобразной реакцией общества на «охранительные мероприятия» правительства после выстрела Д. Каракозова в царя. Комитеты стали центрами «славянского движения» 1875–1876 гг., которое, как заметил историк А. В. Мамонов, «отнюдь не было непосредственно спровоцировано властью. Более того, оно застало тех, кто выработывал правительственную политику, врасплох»¹⁸. А. В. Мамонов на основе обстоятельного изучения архивных документов и тщательного отбора фактов «славянского движения» в увязке с правительственными намерениями и решениями пришел к весьма важным выводам. Так, поставив вопрос: «Насколько в действительности “славянское движение” опиралось на поддержку в правящих кругах империи?», он заметил, что ответить на такой вопрос «достаточно сложно, поскольку и формы “поддержки”, и круг лиц, сочувствовавших “движению”,

менялись и далеко не всегда полно отражались в дошедших до нас источниках». Однако А.В. Мамонов представил целую когорту высокопоставленных сановников, связанных каким-либо образом со «славянским движением» (члены Государственного совета К.П. Победоносцев и Д.А. Оболенский, товарищ государственного контролера М.Н. Островский, управляющий временной ревизионной комиссией Государственного контроля Т.И. Филиппов, начальник штаба гвардейского корпуса И.И. Воронцов-Дашков, а также генералы М.Г. Черняев и Р.А. Фадеев, и даже императрица Мария Александровна). Круг противников «славянского движения» был более широк и представлен (бывший шеф жандармов П.А. Шувалов, его преемник А.Л. Потапов, министр финансов М.Х. Рейтерн, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, великий князь Константин Николаевич, Н.В. Мезенцев, С.Н. Урусов, П.А. Валуев, К.И. Пален, С.А. Грейг и др.). Славянские комитеты стремились вызвать «естественное нравственное сочувствие угнетенным, униженным и оскорбленным», а это «иногда делало невозможным противодействие политической агитации панславистов». Тем не менее попытки панславистов втянуть Александра II в войну не имели успеха, власть «по-прежнему оставалась самодержавной и неограниченной». А.В. Мамонов признает лишь «косвенное» воздействие «славянского движения» на внешнюю политику России. Специфичным в данной ситуации было то, что «в 1812 г. и в конце 1850-х гг. общественный подъем поддерживал власть, теперь же власть была вынуждена поддерживать чуждое ей движение»¹⁹ Роспуск славянских комитетов после Берлинского конгресса был логически объяснимым шагом царского правительства.

Панслависты Москвы и Петербурга, а также всех больших городов России оценивали Берлинский трактат как самое тяжелое оскорбление величия и достоинства Российской империи. Предводитель российских панславистов зять поэта Ф.И. Тютчева И.С. Аксаков переживал решения Берлинского конгресса весьма болезненно. Он выступил 22 июня 1878 г. на заседании Московского славянского общества с резкой, критической речью: «Русь – победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в

побежденные». И.С. Аксаков был глубоко убежден, что «кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Европе Восточной нет ни предела, ни меры». По его мнению, «конгресс не что иное, как открытый заговор против русского народа». Речь И.С. Аксакова была напечатана в газете «Гражданин», однако тираж ее был конфискован. По личному распоряжению Александра II Московское славянское общество было упразднено, а И.С. Аксаков был выслан из Москвы. Он избрал себе местом пребывания имение свояченицы Е.Ф. Тютчевой в Варварино Владимирской губернии²⁰. А.И. Кошелев речью И.С. Аксакова издал отдельной брошюрой в Берлине²¹, в котором «лилась река пива, и немцы от радости чуть не плясали *Unter den Linden*». Ликование по поводу того, что в их городе «решались судьбы Европы», «было слишком тяжелым для русского», - писал в своих «Записках» А.И. Кошелев. Далее он заметил, что «Славянский комитет и еще более И. Аксаков были очень неприятны петербургским властям, и они воспользовались его речью, чтобы прихлопнуть первый и выпроводить последнего из Москвы»²².

Мнение вождя панславистов не может заменить широкого спектра общественных мнений, от крайне правых до радикалов. Эти мнения обстоятельно исследовал историк В.И. Адо в статье «Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России»²³. Правый, «реакционно-консервативный», лагерь (Е.М. Феокистов, К.П. Победоносцев, В.П. Мещерский, К. Головин, А.А. Киреев и др.) выражал разочарование и недовольство решениями конгресса. На страницах «Московских ведомостей», «Голоса», «Русских ведомостей», «Санкт-Петербургских ведомостей» протоколы заседаний Берлинского конгресса публиковались полностью. Панславистский «Русский мир» и «Газета Гатцука» печатали краткое изложение протоколов конгресса. В.И. Адо выделил в помещичье-буржуазном лагере две тенденции, два течения: первое – против уступок, поскольку достигнутый мир иллюзорен, необходима новая война для окончательного разрешения Восточного вопроса (нужно Австро-Венгрии и Англии «показать зубы»); второе – за соглашения с европейскими державами, уступки оправданы, так как новая война –

это катастрофа. Следует отметить, что панслависты в этом хоре прессы не играли ведущей роли. В.И. Адо привел точку зрения «Санкт-Петербургских ведомостей», которые также отмечали два противоположных взгляда на балканскую ситуацию: первый – связанный с признанием «необходимости продолжать военные и политические действия для того, чтобы достигнуть поставленных целей, невзирая ни на какие жертвы»; второй – выражаемый в суждениях «Россия и так сделала слишком много, что большего от нее требовать нельзя, что теперь она, как и после Крымской войны, должна “поправлять сделанные в домашнем хозяйстве прорухи”, “заниматься исключительно только своими домашними делами”»²⁴. Аналогичным образом резюмировали всю ситуацию в прессе и «Московские ведомости». Характерно, что главный огонь прессы был направлен против Англии; Австро-Венгрии и Германии доставалось в меньшей степени. Македонские земли упоминались нечасто, так как они входили географически в Южную Болгарию.

События русско-турецкой войны находили отражение и в «листочках», издаваемых московскими типографиями. «Листки» – это «чтиво» для народа. Их стиль отличался от стиля «Московских ведомостей», но они были многостраничными: «листочек» под названием «Не тронь меня, или Русских дух и турецкая слабость» насчитывал 18 страниц. В «листочке» можно было обнаружить рассказ русского солдата, очерк, поэтические этюды, былины, жития, литографии в виде лубка и т.д. Народ, читая их, должен был убеждаться в том, что ведущая война справедлива, так как несет свободу братьям-славянам. Как подчеркивалось в одном из очерков, турецкий солдат отважен и храбр, но его главные начальники принуждены «действовать по указаниям иностранных руководителей», а потому турецкая армия обречена на неудачи²⁵.

И.С. Аксаков, по его признанию, осознал историческую завершенность славянофильства в середине 70-х гг. и направил общественную мысль в русло панславизма. В то же время весьма значимы его ответы на вопросы, предложенные III отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии во время его краткосрочного ареста в 1849 г. Ответы были даны в

письменном виде и затем направлены Николаю I для прочтения. На вопрос «Не питаете ли Вы и родственники Ваши славянофильских понятий и в чем они состоят?» он отвечал, что «ни я, ни родственники мои не славянофилы в том смысле, в каком предложен этот вопрос». Вопрос был увязан с революционными событиями 1848 г. в Австро-Венгрии. Далее он писал: «В Панславизм мы не верим и считаем его невозможным 1) потому, что для этого необходимо было бы *единоверие* (выделено нами. – А.Г., Н.Ш.) Славянских племен, а католицизм Богемии и Польши составляют элемент враждебный, чуждый, несмешиваемый с элементами Православия прочих Славян; 2) все отдельные элементы Славянских народностей могли бы раствориться и слиться в целое только в другом, крепчайшем, цельном, могучем элементе, т.е. в русском; 3) *большая часть* (выделено нами. – А.Г., Н.Ш.) Славянских племен уже заражена влиянием пустого западного либерализма, который противен духу русского народа и никогда к нему привиться не может». Другими словами, если и могло произойти слияние славянских народов, то в середине XIX в. это было уже невозможно. Далее Аксаков добавил: «ПРИЗНАЮСЬ, МЕНЯ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ВСЕХ СЛАВЯН ЗАНИМАЕТ РУСЬ, а брата моего Константина даже упрекают в совершеннейшем равнодушии ко всем Славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Великороссии». С этим ответом согласился Николай I, который тут же на полях бумажного листа приписал, что «ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России»²⁶. При таком осмыслении славянофильство, переходящее в панславизм, обретало форму идеологии, погружающей ее сторонников в фиктивный мир, а всякая попытка реализовать основные идеи наводила как вождя панславистов, так и российского правителя на мысль о негативных общественных последствиях.

Вместе с тем в государственном аппарате царской России было немало служащих, которые и после рубежного, 1878, года расширяли социально-политическую проблематику своей деятельности, увязывая ее с набором образцов панславистского мышления. Среди авторов проектов «спасения России», направлявшихся в Верховную

распорядительную комиссию во главе с М.Т. Лорис-Меликовым, был и генерал-майор Р.А. Фадеев, игравший роль ученого консультанта. Он резко критиковал принятую Учредительным собранием в апреле 1879 г. в Велико-Тырнове конституцию в записке, озаглавленной «Дополнительные заметки». В них автор писал: «В то время, когда московский фабрикант и купец нижегородской ярмарки и почти всякий дельный земец начинают более или менее сознавать наше естественное направление, люди правительственной среды пишут конституцию для освобожденной русской кровью Болгарии, которой, конечно, желают добра. И что они пишут? Вместо учреждений, вырастающих без посева на всякой славянской почве – владыки или князя и краткосрочной скупщины каждого по своей части, русское правительство дает Болгарии ту самую конституцию, которую офранцузенные заговорщики 14 декабря 1825 г. хотели навязать ему самому и от которой оно, к счастью, отделалось картечью»²⁷. В Велико-Тырнове была принята конституция, закрепившая в основе государства наследственную конституционную монархию. У истоков ее стоял князь В.А. Черкасский под общим управлением князя А.М. Дондукова-Корсакова, являвшегося тогда императорским комиссаром в Болгарии.

Князь В.А. Черкасский, по определению Б.Н. Чичерина, был человеком «совершенно из ряда вон выходящий. Ум был замечательно сильный, гибкий и разносторонний, образование обширное, не только литературное, но и юридическое и политическое». Он был автором первоначального проекта Положения 19 февраля 1861 г., ему же принадлежал замысел общего плана Положения. Он разрабатывал и проект государственного устройства Болгарии. Князь примыкал к славянофилам и много работал на государственном поприще в связке с Ю. Самариным. Смерть его сразила в день подписания Сан-Стефанского договора. Б.Н. Чичерин писал, что «умер человек, одаренный высшими государственными способностями, который сам собою выдвинулся в критические минуты, показал все свои силы, оказал отечеству незабвенные услуги и затем был кинут в сторону, как негодная тряпка»²⁸. Можно сравнить князя В.А. Черкасского с генерал-майором

Р.А. Фадеевым: первый видел свою задачу в проведении реформ, второй – в укреплении государственной власти. Славянофильские идеи являлись для них специфической неразвитой формой идеологии, играющей роль ситуативного фактора, стабилизирующего разногласия в высшей бюрократической сфере в условиях отсутствия философской основы политики и реформ. Необходимо заметить, что Б.Н. Чичерин отстаивал единство исторического развития народов Западной и Восточной Европы, т.е. был западником, его идеалом была конституционная монархия. Болгары же следовали своей Тырновской конституции вплоть до фашистского переворота 1934 г. с небольшими перерывами.

Особое отношение России к ситуации на Балканах пронизывало всю ее внешнюю политику на протяжении длительного периода, и многие россияне пытались осмыслить это и исторически, и философски. Так, К.Н. Леонтьев упрекал Н.Я. Данилевского в том, что он «слишком верит в славян», тогда как сам он «понял, что все славяне, южные и западные, именно в этом, столь дорогим для меня КУЛЬТУРНО-ОРИГИНАЛЬНОМ СМЫСЛЕ, суть для нас, русских, не что иное, как НЕИЗБЕЖНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗЛО, ибо народы эти до сих пор в лице “интеллигенции” своей ничего, кроме самой пошлой и обыкновенной СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗИИ, миру не дают»²⁹. Написано это было в 1884 г. в статье «Дополнение к двум статьям о панславизме». Очевидно, и в правительственных кругах получило распространение подобное мнение о славянских народах, вследствие чего панслависты стали не нужны, хотя в начале 70-х гг. правительство нуждалось в общественной поддержке своего внешнеполитического курса в Восточном вопросе, поэтому и отношение к Славянским комитетам было более лояльным.

В центре внешней политики царского правительства после Берлинского конгресса оказались дела среднеазиатские, дальневосточные и отношения с Афганистаном. Царь был заинтересован в стабилизации положения на Балканах. Этому служило и разоружение отряда одного из панславистов, Афанасия Васильева, который проник на территорию Боснии и Герцеговины и пытался там организовать вооруженное сопро-

тивление оккупационному режиму Австро-Венгрии. Разоружая отряд А. Васильева, царское правительство пыталось ликвидировать все движение сопротивления в целом³⁰. Военный министр Д.А. Милютин, придерживающийся либеральных взглядов, в октябре 1878 г. сделал в своем дневнике такую запись: «Возникает новый и совершенно неожиданный для нас предмет забот: оказывается, что болгарские шайки, производящие набеги на пограничные с Болгарией части Македонии, формировались в крае, занятом нашими войсками и состоящем в нашем управлении; в голове этих шаек, как говорят, есть отставные русские офицеры. Местное наше начальство не могло не знать о формировании этих шаек, также как о ходившей по всей Болгарии подписке на дело болгарского восстания в Македонии. Можно с некоторой достоверностью предполагать, что все это делалось даже с ведома самого кн. Дондукова-Корсакова. Государь крайне этим недоволен»³¹.

Таким образом, решения Берлинского конгресса 1878 г. направили процесс трансформации славянского компонента на македонских землях в фазу кризисного состояния. В первые годы после конгресса этот компонент воспринимался составной частью общеполитического развития, чему способствовали в немалой мере проболгарские настроения российского общества. Как и до войны 1877-1878 гг., внешний фактор оказывал сильное воздействие на ситуацию в Македонии. В то же время исходя из всех разрозненных сведений о процессах, происходящих на македонских землях, трудно было составить целостную картину, отражающую реальность. Переживания времен войны отступали в прошлое, острота восприятия несправедливых решений Берлинского конгресса притуплялась, панславистские вожди уходили в сторону и погружались в размышления для обретения перспектив. В канцелярии министерства иностранных дел стремились держать под контролем выполнение договорных условий Берлинского трактата. Трудно определить соотношение имперских и национальных задач, решаемых внешнеполитическим ведомством России в те годы, но международная обстановка в Европе оставалась напряженной. В этом смысле Берлинский договор при всех его минусах, по определе-

нию российских историков, специализирующихся на изучении истории внешней политики России, «явился значительным шагом в освобождение Балкан и создавал условия для последующего прогрессивного развития балканских народов»³². В условиях незавершенности военной реформы Россия была заинтересована в мире на Балканах. Российская общественность не всегда понимала это. Кроме того, необходимо учесть и то, что разногласия, противоречия между общественным мнением и официальной политикой, мотивацией и действиями внешнеполитического ведомства составляли государственную тайну, тщательно охраняемую во все времена. Славянские народы, остающиеся под иностранным игом, оказались в сложном положении, однако их жизненный цикл не закончился на этом. У славян, в том числе македонцев, начался переход в фазу активного внутреннего диалога. Внешнее воздействие, которое позволяло бы радикально решить проблемы угнетения и притеснения, как и ожидание его без всякой надежды на счастливое избавление от ига, стимулировало усилия самих македонцев в деле формирования собственной идеологии борьбы и национального вызволения.

Примечания

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 168.

² Там же. С. 192.

³ Историја на македонскиот народ / под ред. М. Апостолски. Скопје, 1986. С. 152.

⁴ Подробнее о Кресненском («Кресны») или Македонском восстании см.: Giza A. Ziemie macedonskie na przelomie XIX i XX wieku. Szczecin, 1996. S. 52-55.

⁵ В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. / под ред. В.Н. Виноградова и др. М., 2003. С. 298.

⁶ Димов Н.Д. Исторический очерк Македонии // История Сербии и Черногории. Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия: сб. очерков. М., 2002. С.400.

⁷ Историја на македонскиот народ. С. 152.

⁸ В «пороховом погребке Европы»... С. 300.

⁹ Димов Н.Д. Указ. соч. С. 398.

¹⁰ Бисмарк О. Мемуары Железного Канцлера. М.; СПб., 2003. С.535-536.

¹¹ Цит. по: Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. М., 1988. С. 306.

¹² Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 155.

¹³ Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. В.В. Львова; послес. Г.А. Арбатова. М., 1997. С.137.

¹⁴ Бисмарк О. Указ. соч. С. 538.

¹⁵ Там же. С. 539.

¹⁶ Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб., 2003. Ч. I. С. 400-405.

¹⁷ Подробнее см.: *Tanty M., Giza A.* Rosyjski ruch slowianofilski w okresie wojny rosyjsko-tureckiej 1877–1878 r. i kongresu berlińskiego // *Studia z dzijow ZSRR i Europy Srodkowej*. 1980. Т. 16. S. 5-24.

¹⁸ *Мамонов А.В.* Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875–1877 годах // *Отечеств. история*. 2004. №3. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 68-75.

²⁰ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. I: Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 231.

²¹ *Аксаков И.С.* Речь, произнесенная 22-го июня 1878 г. в Московском Славянском Благотворительном Обществе. Берлин, 1878.

²² Русское общество 40–50-х годов XIX в. С. 183.

²³ *Адо В.И.* Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России // *Истор. зап.* М., 1961. Т. 69. С. 101-141.

²⁴ Там же. С. 140.

²⁵ *Болотина Н.В.* Балканский кризис и русско-турецкая война 1877-1878 годов в московских «листочках» // *Славяноведение*. 1999. №4. С. 77-80.

²⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч.1, т. 2. Письма 1848–1851 годов. М., 1888. С. 159-160.

²⁷ Цит. по: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С.196.

²⁸ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч.2: Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 175-181.

²⁹ *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева. М., 1996. С. 81.

³⁰ РГИА. Ф. 1282, ед.хр. 819, л. 409. Донесение Александра Ионина министру иностранных дел 30. V.–11. VI. 1878 г.

³¹ *Дневник Д.А. Милютина*. Т.3. 1878-1880. М., 1950. С. 99.

³² История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999. С. 217.

THE SITUATION IN MACEDONIA AND RUSSIA'S POSITION AFTER THE BERLIN CONGRESS 1878

A. Giza, N.G. Shelepenkin

Szczecin University, 71004, Szczecin, Cukrowa, 8
Perm State University, 614990, Perm, Bukireva, 15

A complex of problems concerning the situation in Macedonia as well Russia's foreign policy and public opinion after the Berlin Congress 1878 is examined.